

Иван Иванович Панаев

**По поводу похорон Н. А.
Добролюбова**

Иван Иванович Панаев

По поводу похорон Н. А. Добролюбова

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=660195*

Аннотация

«С лишком тринадцать лет назад тому, 29 мая 1848 года, по Лиговке к Волкову кладбищу тянулась бедная и печальная процессия, не обращавшая на себя особенного внимания встречных. За гробом шло человек двадцать приятелей умершего, а за ними, как это обыкновенно водится на всякого рода похоронах, тащились две извозчичьи четвероместные колымаги, запряженные клячами...»

Иван Иванович Панаев

По поводу похорон Н. А. Добролюбова

* * *

С лишком тринадцать лет назад тому, 29 мая 1848 года, по Лиговке к Волкову кладбищу тянулась бедная и печальная процессия, не обращавшая на себя особенного внимания встречающих. За гробом шло человек двадцать друзей умершего, а за ними, как это обыкновенно водится на всякого рода похоронах, тащились две извозчичьи четверо-местные колымаги, запряженные клячами... Это были литературные похороны, не почтенные, впрочем, ни одной литературной и ученой знаменитостью. Даже ни одна редакция журнала (за исключением редакции «Отечественных записок» и только что возникшего «Современника») не сочла необходимым отдать последний долг своему собрату, который честно всю жизнь отстаивал независимость слова и мысли, всю жизнь энергически боролся с невежеством и ложью... Из числа двадцати, провожавших этот гроб, собственно литераторов было, может быть, не более пяти-шести человек, — остальные принадлежали к людям простым, не

пользовавшимся никакой известностью, но близким покойному... Ни одного постороннего человека добровольно не было на этих похоронах, только два или три какие-то неизвестные появлялись и на пути к кладбищу, и в церкви при отпевании, и на могиле при опускании гроба. Чего хотели они, чем могли возбудить их любопытство эти бедные похороны?..

Когда покойника отпели, друзья снесли гроб его на своих плечах до могилы, которая уже до половины была наполнена водою, опустили гроб в воду, бросили в него по обычаю горсть земли и разошлись молча, не произнеся ни единого олова над этим дорогим для них гробом.

После возвращения с кладбища начались рассуждения о памятнике, о необходимости обеспечить семейство покойного и так далее, – открылась подписка... Все говорили так горячо, у всех голоса дрожали, у всех были слезы на глазах! Казалось, в эту минуту все готовы были пожертвовать для этого половиной своего состояния или отдать половину своих трудовых денег... И во всем этом было столько искренности!

Но мы обыкновенно вспыхиваем так же легко и быстро, как легко и быстро охлаждаемся (здесь я разумею уж не одних друзей покойного, а вообще всех русских людей).

Мы, друзья его, еще не успели сносить обувь, в которой шли за его гробом (я был также из числа двадцати), человека, поддерживавшего между нами разумную связь и осмыс-

лившего наше существование, как наш энтузиазм к его памяти уже совершенно остыл и мы потеряли даже след к его могиле...

Шли годы. Сбившись с прямого пути, погружаясь более и более в изящную пустоту жизни, путаясь в частных и личных мелочах, поддерживая, однако, втихомолку свои авторитетики дружбою с Белинским, имя которого мы не решались произносить громко, – мы и не заметили, как подошло к нам новое литературное поколение с горячею верою в будущее, которую мы давно утратили, с твердыми убеждениями и с смелым словом. Оно во всеуслышание произнесло имя Белинского, которое в течение с лишком семи лет не упоминалось в литературе.

При этом мы, немного смущенные и даже несколько оскорбленные тем, что нас предупредили люди посторонние, также закричали: «Да, Белинский! Белинский!» и начали объяснять наши дружеские связи с покойным, намекать на нашу близость с ним, чувствуя, что только этими намеками мы еще можем несколько поддержать себя в общественном мнении. Затем множество почтенных господ профессоров и академиков, – которые при жизни Белинского едва подозревали о его существовании или, зная его, избегали с ним встречи, приходили в ужас от его статей и в угоду тогдашним литературным знаменитостям отзывались о нем с презрением, – стали теперь упоминать о нем с весьма лестною для памяти покойного похвалою и даже как будто с некоторым

чувством. Эти господа, вооружась именем Белинского (бедный Белинский!), его авторитетом, пробовали было преследовать молодое, ненавистное для них, поколение... «Куда вы идете? – кричали они: – что вы делаете? Никогда Белинский не допустил бы того и того»; или: «если бы Белинский встал из гроба, он бы отвергнул с негодованием то и то» – и так далее.

Белинский пошел снова в ход. Он приобрел таких друзей и поклонников через десять лет после своей смерти, от которых бежал бы со страхом и негодованием при жизни... Сочинения его начали печататься в Москве и разошлись в таком количестве, что, может быть, скоро потребуются второе издание; имя его начало беспрестанно появляться во всех газетах и журналах; новая редакция «Северной пчелы» сочла долгом объявить, что она вовсе не разделяет мнения о Белинском прежней редакции и питает к нему большое уважение как к критику... Один из талантливейших наших писателей на своих изящных лекциях о литературе, читанных для самого избранного великосветского общества, в присутствии старых литературных знаменитостей, совершил изумительный подвиг, поставив имя Белинского наряду с именами Пушкина и Гоголя!!. Об этом говорил некогда весь город...

Даже могила Белинского была отыскана, и, к изумлению друзей его, на этой могиле оказалась плита и камень с надписью: «Виссарион Григорьевич Белинский, скончался 26 мая 1848 года». Два года тому назад жена и дочь Белинского,

проездом через Петербург, нашли на его могиле свежие венки и цветы... Кем положен этот камень? Кто украшает эту могилу цветами?..

По крайней мере мы, друзья Белинского, не можем; дать на это ответа...

Через тринадцать лет нас привел к его могиле Добролюбов. Сколько совершилось в эти 13 лет – от смерти Белинского до смерти Добролюбова! И какая разница между поколением Белинского и новым поколением, современным Добролюбову!

Белинский выступил на литературное поприще более смелым и рьяным, чем приготовленным к делу бойцом. Энергичный, талантливый, пылкий, увлекающийся, путающийся в философских теориях, которые передавались ему его друзьями, он долго боролся с собою: то с ожесточением разбивал авторитеты, то с торжественностью возносил их до небес и пел им почти гимны. Он мучительно отыскивал истину, терзался от своих внутренних противоречий, беспрестанно увлекался, сбивался с пути и приходил в отчаяние... Только года за четыре до своей смерти он высвободился от всех посторонних влияний и стал на более твердую почву. Белинский с начала тридцатых до конца сороковых годов подвизался на литературном поприще: в «Молве», в «Телескопе», в «Московском наблюдателе», в «Отечественных записках» и в «Современнике»...

С самого вступления на литературное поприще он явля-

ется окруженный друзьями, которые развивают его, поддерживают его и распространяют его известность; он вскоре сам делается представителем кружка... Белинский высказывает все, что дано ему было высказать, и сходит в могилу, конечно, преждевременно, но почти уже совершив свое назначение. Он был полным отголоском своего поколения, серьезно начинавшего сознавать грубость и пошлость среды, его окружавшей, того поколения, которое ощутило действительную потребность лучшей, высшей жизни и стремилось к ней с юношескою горячностью, страстно, тревожно, но ощупью, – то расплываясь в романтизме, то ища точки опоры в немецкой философии, то увлекаясь социальными идеями Леру и Жорж-Санда; того поколения, которое произвело «лишних людей» – Лаврецких, Пасынковых, Рудиных и иных; того поколения, которое было исполнено благородных, но не совсем определенных порываний, стремлений и увлечений, – бесконечных увлечений и вспышек; которое иногда впадало в ложный, искусственный лиризм и нередко смешивало фразы с делом...

Литературная деятельность Добролюбова, явившаяся через десять лет после Белинского, – эта деятельность, едва успевшая проявиться, тем не менее, указывает очень резко на то, как ушло вперед новое поколение от поколения Белинского...

Добролюбов окончил курс в бывшем Педагогическом институте в 1857 году. Он начал принимать участие в критиче-

ских отделах журналов еще будучи в институте, и одна из его библиографических статей, относящихся к этому времени, напечатанная в «Современнике», обратила на себя всеобщее внимание своим здравым взглядом и едкою ирониею. Статья эта наделала шум. Она была прочтена всеми. «Какая умная и ловкая статья!» – восклицали люди, никогда не обращающие никакого внимания на литературу... «Скажите, кто писал эту статью?» – слышались беспрестанные вопросы.

Ум и блестящие способности Добролюбова не могли не обратить на него особенного внимания лучших из его профессоров; и я помню, что на вечере у князя Щербатова, который был в то время попечителем Петербургского округа, целый вечер шли толки о Добролюбове и о том, какие блестящие надежды подает он.

– Жаль только одно, – заметил кто-то: – он, наверно, не вступит в службу... Журналисты тотчас запугают его в свои сети, и он весь отдастся литературе...

Многие ученые присоединились к этому голосу и с своей стороны изъявили также сожаление.

Вышло действительно так. Добролюбов по выходе из института весь отдался литературе. Да и могло ли быть иначе?.. У него была глубокая, истинная, непреодолимая потребность высказаться посредством литературы; он глубоко чувствовал и сознавал свое призвание. Журналистам нечего было ловить его в свои сети, заманивать его: он сам твердо и сознательно вошел в литературу, как власть имеющий.

И с первого же раза занял в ней видное место. Не уступая нисколько Белинскому в литературном таланте, Добролюбов имел уже преимущество перед ним в том, что получил основание несравненно более прочное и твердое; он с первого шагу стал на прямой путь, вполне сознавая, куда он ведет, и пошел по нем ровным и твердым шагом, не уклоняясь в стороны, не увлекаясь, не впадая в юношеский пафос, не подчиняясь и не кланяясь литературным авторитетам и не делая им ни малейших уступок. Никто так глубоко и верно, просто и здраво не смотрел на явления русской жизни и на последние произведения русской литературы; никто так горячо не сочувствовал нашим насущным общественным потребностям... В его статьях проглядывала та мощь, та внутренняя, сосредоточенная сила, которая обнаруживала в нем будущего великого двигателя; его статьи были проникнуты глубокою любовью к человеку, самым горячим участием к нашим низшим братьям и самым искренним и здравым патриотизмом... Они, несмотря на срочность и быстроту журнальной работы, развивались стройно, с изумительною логическою последовательностию, с каким-то внешним спокойствием, под которым, однако, слышалось биение горячего, любящего сердца и из-под которого проглядывал горький юмор человека, оскорбляемого всякою ложью, лицемерием и пошлостью... В статьях его не было и тени той внешней горячности, которая выражается обыкновенно в так называемых лирических выходках и отступлениях, которые на-

шим поколением ценились некогда очень высоко, но в настоящее время уже потеряли всякое значение и сделались более смешными, чем трогательными. Такие статьи, как «Темное царство» и «Забитые люди», я думаю, достаточно подтверждают сказанное. В одном из некрологов Добролюбова очень справедливо сказано, что его девизом и предсмертным завещанием своим близким собратам по труду было: «меньше слов и больше дела».

Деятельность Добролюбова была коротка (всего только четыре с половиною года), но она была изумительно плодотворна... Имя его не забудет история русской литературы!

Добролюбов вступил на литературное поприще одинокий, без всяких руководителей и покровителей (его гордой и сильной душе противно было меценатство), весь сосредоточенный в самом себе в 22 года и, при всей мягкости своих манер, если не холодный по наружности, то, по крайней мере, очень осторожный и сдержанный... Он едва очистил себе дорогу и проложил себе самостоятельный путь для действия, как смерть вдруг прерывает его – на недоговоренном слове... но, несмотря на это, он оставляет по себе в русской критике почти такой же глубокий след, какой оставил Белинский после 14-летней неутомимой деятельности... Чего нельзя было ожидать от такой духовной силы!

Да! сила его действительно была велика. Это был один из самых замечательных характеров по стойкости, твердости и благородству из всех литературных деятелей последнего два-

дцатипятилетия... Слово и дело никогда не противоречили в нем, и никогда в своих поступках он не допускал ни малейшего, самого невинного уклонения от своих убеждений. Другого, более строгого к самому себе человека в его лета трудно встретить...

На многих из нашего поколения, – людей, впрочем, очень замечательных и даровитых, – Добролюбов своею сдержанностью, сосредоточенностью и наружным спокойствием, которые нередко смешиваются с холодностью и бессердечием, производил не совсем приятное впечатление. Известно, что наше поколение по преимуществу обладало восторженностью, лиризмом и увлечением и беспрестанно слова и фразы принимало за дело. Если какой-нибудь малоизвестный нам господин говорил, например, при нас, сверкая глазами и ударяя себя в грудь, что он ставит выше всего на свете человеческое достоинство и готов жизнью пожертвовать за личную независимость или что-нибудь вроде этого, мы тотчас же бросались к нему в объятия, прижимали его, с слезой в глазу, к нашему биющемуся сердцу и восторженно, немного нараспев, восклицали: «Вы наш! О, вы наш!» и закрепляли союз с ним прекрасным обедом с шампанским и брудершафтом. Если появлялся молодой человек с некоторым талантом и притом с изящными манерами (что соединяется весьма редко в одном лице), мы немедля приближали его к себе, кричали всем встречным: «Какой талант появился! Чудо! чудо! Какая художественная сила, какой художествен-

ный такт!» и так далее, давали ему утонченные обеды, предлагали в честь его тосты и валялись с ним по диванам целые вечера, толкуя —

О Шиллере, о славе, о любви...

А молодой человек с некоторым талантом (который срезывался обыкновенно на втором произведении) говорил про нас: «Что за люди! Как они глубоко понимают искусство! Каким благородным энтузиазмом бьются сердца их!»

Всякая безделица приводила нас в восторженное состояние, погружала в лирический экстаз. Мы всё привыкли страшно преувеличивать, на старости лет пускались даже в романтизм, начали вздыхать и разнеживаться не хуже наших сентиментальных дедов времен «Бедной Лизы» и, как институтки, стали симпатизировать только тем, которые, подобно нам, свой внутренний жар, или, вернее, отсутствие всякого внутреннего жара, обнаруживали восторженными внешними знаками и фразами.

Все это, конечно, было бы довольно забавно, если бы не было так грустно, особенно при мысли, что мы принадлежали некогда к кружку Белинского, называли себя его учениками и, следовательно, были некогда на стороне здравых и свежих убеждений!

Замечая притом, что новое поколение начинает довольно зло подсмеиваться над нашею изнеженностью, расслабленностью, над нашими романтическими выходками и лирическими возгласами, что оно начинает слишком уже выдвигать

гаться вперед, во вред нам, и прокладывает себе новый, более строгий и более прочный путь, – мы, или по крайней мере некоторые из нас, ожесточились против нового поколения вообще и в особенности против самых ярких его представителей. Наше негодование должно было прежде всего, конечно, пасть на Добролюбова. Мы все, или, пожалуй, некоторые из нас, за давностью лет или по действительным заслугам, оказанным нами некогда в дни нашей свежести, – приобрели авторитеты и кое-какие авторитетики. Нам, без сомнения, было бы очень приятно, если бы один из представителей молодого поколения обнаружил перед нами такое благоговение, какое мы обнаруживали в нашей молодости перед тогдашними авторитетами, и хоть для виду советовался бы с нами, выслушивал бы наши замечания и так далее. А Добролюбов не только не оказывал нам никакого внимания, даже просто не хотел замечать нас, не изъявлял желания быть нам представленным и отзывался о наших творениях так, как о самых обыкновенных, безавторитетных произведениях. Скажите, не оскорбительно ли это? Положим, что учитель наш Белинский громил также авторитеты, но ведь авторитеты тогдашнего времени держали себя совершенно недоступно относительно молодого поколения... Те из них, которые знали о существовании Белинского, смотрели на него, как орлы на червя, – а мы – так ли вели себя мы относительно нового поколения?... Боже мой! да не мы ли первые протянули к нему свои объятия, не мы ли первые встретили его

и приветствовали с лирическим восторгом, и – что же?..

Но тут мы, – или, что все равно, некоторые из нас, – решили, что новое поколение, несмотря на свой действительно замечательный ум и сведения, поколение сухое, холодное, черствое, бессердечное, все отрицающее, вдавшееся в ужасную доктрину – в нигилизм!.. Нигилисты! Если мы не решились заклеить этим страшным именем все поколение, то по крайней мере уверили себя, что Добролюбов принадлежал к нигилистам из нигилистов.

– Господа! (я обращаюсь к тем, которые хотя одну минуту почему бы то ни было могли впасть в такое странное заблуждение) прочтите внимательно все, что написано Добролюбовым, от первой библиографической статейки его в «Современнике» 1857 г. до «Забитых людей» включительно (чтение это не утомит вас), и сознайтесь, что тот, кто написал это, имел сердце горячее, любящее, благородное, проникнутое искреннею любовью к человечеству, несокрушимой верой в его совершенствование, – сердце, мучительно страдавшее от всякой лжи, неправды и гнета... Будьте откровенны, сознайтесь, – вы до сих пор не читали ни одной статьи его, а так только аристократически перелистывали некоторые из них и составили о Добролюбове понятия по отрывочным слухам и толкам. Я уверен, что, серьезно перечитав его, вы искренно раскаетесь в вашем опрометчивом об нем мнении (у вас сердце доброе, врожденное чувство справедливости еще не заглушено в вас), примиритесь с ним внутренне, может быть

даже почувствуете симпатию к его памяти И пойдете поклониться его праху... Оно же и кстати: рядом с ним лежит ваш друг и учитель – Белинский, на могиле которого вы так давно не были!..

...Я увидел в первый раз Добролюбова в 1855 г., но познакомился с ним уже позже, когда он сделался постоянным членом редакции «Современника», перед окончанием своего курса. Мне всегда казалось, что в нем духовная сила преобладала над физической, что его мощный дух заключен был в слишком слабом теле. Он всегда имел вид болезненный, несколько утомленный. Неизлечимая хроническая болезнь, сокрушившая его, начинала, кажется, уже тогда зарождаться в нем. Усиленный труд в институте, усиленный труд после выпуска, обращающийся обыкновенно в потребность у всех людей, слишком жаждущих знания и слишком стремящихся к совершенствованию, тяжкая борьба с гнетущею средою – все это вместе развивало в нем болезнь и быстро вело его к ранней могиле...

После четырехлетней неутомимой и лихорадочной журнальной деятельности он почувствовал истощение сил и, по совету докторов, отправился за границу. За границей он пробыл более года и возвратился в Петербург в половине сентября этого года.

– Что, как вы находите меня? Поправился ли я? – спросил он меня при первой нашей встрече.

– Да, очень, – отвечал я.

А между тем на бледном и вытянувшемся лице его, обросшем бородою, выражалось крайнее истощение сил, предвещавшее близящуюся смерть.

Из-за границы он привез много книг, из чего можно было заметить, что он приготавлился к труду еще более усидчивому и серьезному.

За месяц до смерти он сказал своему брату-гимназисту: «Мне теперь надо сильно работать, чтобы разделаться с моими долгами». Надобно заметить, что Добролюбов в последнее время много помогал своему семейству и определил двух братьев своих в 3-ю петербургскую Гимназию. Отец его, выстроивший перед своею смертью трехэтажный дом в Нижнем-Новгороде (о котором, по поводу смерти Добролюбова, упомянуто было в одной газете), очень запутал дела свои, именно по случаю этой постройки, и оставил после себя долги.

Здоровье Добролюбова после возвращения его из-за границы с каждым днем становилось хуже. Борясь с физическими и нравственными муками, подавляемый самыми тяжелыми и безотрадными впечатлениями, он принялся, однако, за свой обычный журнальный труд и, уже с смертью в груди, ослабевшей рукой дописывал последние строки своей статьи по поводу г. Достоевского: «Забитые люди». Доктора объявили в это время его близким, что никакой, самый малейший труд не возможен для него, что ему необходимо совершенное спокойствие физическое и нравственное (возможно

ли было для него последнее – доказывает его раздирающий душу дневник) и что дни его уже сочтены.

Добролюбов однажды утром кое-как добрел до Некрасова и уже не мог возвратиться домой. Он пробыл у Некрасова недели две и за неделю до смерти пожелал, чтобы его перенесли домой.

С этой минуты он не вставал с постели и ослабевал с каждым часом; страдания его усиливались: он не спал ночи напролет, метался, просил беспрестанно, чтобы его переворачивали и перекладывали – в последние дни он не мог пошевелинуться сам и говорил едва слышно; это была мучительная и долгая агония. Он сознавал близость и неизбежность смерти.

Добролюбов скончался 17 ноября.

Друзья покойного объявили в газетах о его смерти и о выносе его тела и в то же время озаботились, чтобы Добролюбов был положен рядом с Белинским.

На похороны, 20 ноября, сошлось человек до двухсот, в числе которых были профессора университета, журналисты и известные литераторы, за исключением весьма немногих. Гроб несен был на руках от квартиры покойного (на Литейной улице) до самого Волкова кладбища.

Над гробом Добролюбова и над его могилой произнесено было несколько горьких и задушевных слов его друзьями и посторонними лицами и прочтены были отрывки из его дневника...

Какая разница между похоронами Белинского и Добролюбова!

Отрывки из дневника Добролюбова яснее и красноречивее всяких слов объясняют, что люди с таким энергическим стремлением к добру и правде, каким был движим Добролюбов, должны чувствовать вдвое сильнее те страшные пытки и страдания, которые суждено испытывать вообще всем мыслящим людям. Ни Белинский, ни Добролюбов вследствие этого не могли жить долго. Белинский умер тридцати пяти лет, Добролюбов двадцати шести!

Да и вообще, как известно, всем даровитым русским людям не живется что-то...

Церковный обряд был кончен, слова и речи смолкли, последняя горсть земли брошена в могилу, все разошлись тоскливо, с тяжелою думою...

Смерть соединила Добролюбова с Белинским. Возле благороднейшего литературного деятеля нашего поколения лег благороднейший и талантливейший литературный деятель нового поколения. Белинский дождался достойного гостя...

Новое поколение будет, конечно, благодарнее и памятливей нашего – и не зарастет тропа к этим могилам.

Мир вашему праху, наши братья по мысли и убеждению!..